

Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.02.2022).

13. Ольховик Н. В. Эффективность исполнения уголовных наказаний, не связанных с лишением свободы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. № 1. С. 51–59.

14. Енгибарян М. А. Понятие уголовного наказания, не связанного с лишением свободы // Инновационная наука. 2016. № 3-2. С. 34–39.

ТРЕБУЮТ ЛИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ СТАТЬИ 29 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Живогина А.В.

ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва,
e-mail: malevanaya99@mail.ru

Доктрина уголовного права выработала две концепции неоконченного преступления: концепцию стадий совершения преступлений и концепцию видов неоконченного преступления. В данном положении представляется возможным определить в качестве самостоятельной стадии преступной деятельности – обнаружение умысла, так как на основании доктринальных подходов к определению стадий совершения преступления, нами было усвоено, что сформировавшийся умысел способствует совершению посягательства на охраняемые уголовным законом интересы. Следовательно, в виду проблемы определения стадий совершения преступления и видов неоконченного преступления, представляется обязательным решить вопросы деления неоконченного преступления на приготовление и покушение, а также есть ли общественная опасность при добровольном отказе?

Исходя из содержания ст. 30 УК РФ, необходимым условием наличия стадий неоконченного преступления является ситуация, когда преступление не было доведено до конца по независящим от данного лица обстоятельствам: приготовление или покушение. В ранее действующем Уголовном кодексе РСФСР (1960), в ч.1 ст.15 такие обстоятельства законодателем не упоминались. Вместе с тем, в ч. 2 этой же статьи, где говорится о стадии покушения, упоминается положение о том, что оно будет только тогда, когда преступление не было доведено до конца по причинам, не зависящим от воли виновного. В.Н. Некрасов неоконченное преступление определяет как: «Прерванная, виновная, противоправная и общественно опасная деятельность лица по созданию условий либо непосредственному совершению преступления, в результате которого действие не доводится до конца или результат не наступает» [1, с. 5]. А. П. Козлов считает, что это «прерванная на той или иной стадии развития преступная деятельность» [2, с. 35]. С.Ф. Миллюков и Т.Н. Дронова не согласны с позицией А. П. Козлова, так как они утверждают,

что определение дано в слишком широком смысле, а также применяется понятие «стадии развития преступной деятельности», которое не используется законодателем и понимается неоднозначно в теории уголовного права, что может привести к путанице правоприменителей на практике [3, с. 4].

По сути, это положение распространялось на практике и на стадию приготовления. Весьма точно М. Селезнёв отмечает, что вопрос о виновности может решаться только на судебных стадиях процесса, так как уголовно-правовые дефиниции должны быть универсальными и применяться так же и к досудебным стадиям уголовного производства [4, с. 20]. Современное уголовное право отграничивает неоконченное преступление от оконченного, заменив выражение «волю лица» на «независящие от лица обстоятельства».

В ст. 60 УК РФ указывается, что при назначении наказания должна учитываться степень общественной опасности преступления, на это условие оказывает влияние и стадии совершённого преступления. Например, гражданин К., хочет совершить убийство гражданина М., но при совершении выстрела из огнестрельного оружия он промахивается. Другая ситуация – гражданин К. совершает выстрел, но причиняет вред здоровью гражданину М., например, средней тяжести. Следовательно, при вынесении решения судья будет учитывать обстоятельства, в силу которых обстоятельств преступление не было доведено до конца. Статья 66 УК РФ не предусматривает перечня обстоятельств, из-за которых преступление не было доведено до конца, что делает её содержание не четким и неопределённым. Таким образом, представляется целесообразным, включить в ч.1 ст.66 положение о необходимости учитывать степень осуществления преступного намерения, что подчеркнёт значимость данной нормы и её универсальность.

Интересным моментом является и то, что некоторые ученые отождествляют с уголовно-наказуемыми приготовительными действиями и те действия, которые могут быть отнесены как к интеллектуальной, так и к психической подготовке к совершению преступления. Этот подход не находит поддержки с нашей стороны, так как в случае, если гражданин знакомится с новой информацией и повышает свой уровень знаний, к примеру, читая книгу о стрелковом оружии – это не значит, что гражданин готовится к преступлению и, следовательно, наказанию он не подлежит.

Существенно важной является также проблема такого элемента приготовления, как приискание соучастников преступления и сговор на совершение преступления. Как мы в рамках правоприменения можем разделять обычные, ни к чему не обязывающие разговоры между людьми и реальное приискание соучастников?

В какой момент времени данное действие становится уголовно наказуемым?

Нынешняя правовая наука либо очень поверхностно затрагивает данный вопрос, либо вовсе на него не отвечает, не замечая данной проблемы. Был поставлен вопрос: когда приготовление находит свое воплощение в реальности и становится существующим юридическим фактом?

Рассмотрим случай когда есть два гражданина-соседа, которые невзлюбили третьего гражданина, тоже соседа. В данный момент времени такая не любовь проявляется лично у каждого в мыслях, они еще не являются субъектами преступления, а также у них еще не сформировался умысел на убийство своего соседа. Далее два гражданина встретились на общей кухне общепития со своим третьим соседом. На данном этапе у них происходит объединение эмоций и начинается формирование умысла на убийство этого третьего соседа. В какой-то момент один из субъектов – С.1 – выносит на обсуждение предложение об убийстве гражданина С.3. Именно в этот момент, исходя из положений закона, происходит начало приготовления к преступлению, но если проанализировать детальнее, то можно найти несколько несоответствий.

Во-первых, наказуемо только деяние, выраженное в форме действия или бездействия. Высказывания признаются деяниями крайне редко, и, как правило, они выделены в отдельные составы, например, статья 119, 128.1. Но если в данных составах можно *de facto* установить противоправность деяния, то при угрозе убийством в каждом конкретном случае необходимо устанавливать полную картину происшедшего с объективными предпосылками и реальной опасностью для потенциального потерпевшего. Так почему мы в случае с двумя гражданами будем привлекать их к ответственности, а в случае с конкретным составом – устанавливаем фактические обстоятельства дела?

Во-вторых, при установлении причинно-следственной связи, мы должны связывать причину и следствие только прямой связью, при которой одно прямо вытекает из другого. Соответственно, при невозможности установить реальный умысел на совершение преступления мы не можем привлечь к ответственности данных граждан, так как один из них просто выдвинул предложение убить С.3. Следовательно, простое предложение кого-то убить, которое не подкреплено реальными фактическими действиями указанных лиц не может быть уголовно наказуемо.

Таким образом, при приготовлении к преступлению должна быть совокупность объективных и субъективных факторов, которые указывают на то, что преступление реально готовится к исполнению: помимо приискания соучастников, необходимо учитывать средства,

которые лицо приобретает либо изготавливает, фактическое продолжение сговора, выраженное в каких-либо о вещественных действиях, которые можно пресечь – распределение ролей в готовящемся преступлении, планирование преступления, создание по этому поводу каких-либо карт, схем, заметок, табелей и прочих материальных улик, объективно свидетельствующих о готовящемся преступлении.

Также в связи с этим, представляется важным вопрос разграничения понятия оконченного и неоконченного преступления. В ч. 1 ст. 29 УК РФ раскрывается понятие оконченного преступления, ч. 2 этой же статьи указывает на неоконченное преступление, а ч. 3 ст.29 УК РФ – о правилах классификации именно неоконченного преступления. Следовательно, структура данной статьи имеет противоречия, которые могут затруднять правоприменительную практику.

В теории уголовного права сложилась позиция, представители которой считают, что дефиниции оконченного и неоконченного преступления должны быть разграничены. В отличие от оконченного преступления, неоконченное преступление содержит стадии покушения и приготовления, которые, в свою очередь, имеют некие особенности:

1) приготовление предшествует преступлению, отделено во времени и пространстве и может прерваться по независящим от обстоятельств, но только до начала исполнения объективной стороны преступления;

2) покушение – это уже неудавшееся преступление, которое не смогло состояться либо по объективным, либо по субъективным обстоятельствам.

Продолжая говорить о неоконченном преступлении, необходимо затронуть тему связи покушения на преступление и добровольного отказа от совершения преступления. Термин «добровольный отказ» законодательно был раскрыт сравнительно недавно: лишь в последнем УК данное понятие нашло свое определение, в то время как в предыдущих законодательных актах данное понятие дается без его семантического придатка.

Данное определение дает нам следующие важные тезисы: прекращение действий должно быть добровольное и осознанное, лицо должно предвидеть возможность доведения преступления до конца. Соответственно, при добровольном отказе лицу никто и ничто не должно мешать объективно, то есть добровольность лица, отказавшегося от дальнейшего совершения преступления, должна быть осознанной и своевременной – не признается добровольным отказом действия лица, вызванные объективной невозможностью продолжать совершение преступления и наступившие помимо его воли – задержание лица сотрудниками право-

охранительных органов, неприступность объекта покушения и так далее.

Г.В. Назаренко также отмечает, что «законодатель выделяет три вида неоконченного преступления; приготовление к преступлению, покушение на преступление и добровольный отказ от преступления» [5, с. 117]. Добровольный отказ понимается как совершение преступного деяния, которое прекратилось по собственной воле преступника. Тогда данное лицо не будет привлечено к уголовной ответственности, если в его действиях не обнаружат состав какого-либо другого уже оконченного преступления. Н.Ф. Кузнецова считает, что главный критерий добровольного отказа – это «добровольно прекращенные действия» [6, с. 567]. Д.Е. Дядько объясняет почему добровольный отказ включен в институт неоконченного преступления, так как в УК РФ содержится прямое указание на то, что при добровольном отказе имеет место не доведенное до конца преступление, то есть преступление, прекращенное в силу добровольного отказа. Другая группа ученых считает, что даже неоконченные преступления несут общественную опасность.

Интересной кажется точка зрения, согласно которой добровольный отказ состоит в прекращении выполнения действий, посредством которых осуществляется приготовление или покушение на него. Эта точка зрения нами критикуется, так как наличие приготовления или покушения могут иметь место только тогда, когда есть обстоятельства, которые вынуждают гражданина прекратить полностью преступление. А в случае добровольного отказа таких обстоятельств быть не должно, так как гражданин обязан это сделать по своей воле и согласно своему убеждению, независимо от окружающей обстановки и действий других лиц. Следовательно, добровольный отказ исключает возможность отождествления с приготовлением либо покушением, а значит, исключает возможность отождествления с неоконченным преступлением и, как следствие, подлежит исключению из главы 6 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В данном аспекте представляется важным упомянуть о таких видах как оконченное и неоконченное покушение. Как известно, при неоконченном покушении лицо не имеет возможности продолжать совершение преступного деяния из-за направленных действий третьих лиц либо вследствие непреодолимой силы – стихийного действия, человеческого фактора и каких-либо других обстоятельств. При оконченном же покушении лицо предприняло все возможное для доведения преступления до конца, но не смогло это сделать по независящим от него причинам – так, например, преступник не смог вскрыть дверь из-за поломки отмычки либо же он вскрыл сейф, но в нем не оказалось никаких ценных для лица предметов, вслед-

ствие чего он покинул место преступления. Такие деяния не могут рассматриваться в качестве добровольного отказа, но встает вопрос: все ли подобные действия можно расценивать как оконченное покушение? Имеет ли место более субъективный фактор внутреннего убеждения либо же объективная реальность играет здесь роль наиболее весомую? Можно ли расценивать действия лица по прекращению его преступной деятельности вследствие воздействия внешних факторов в качестве добровольного отказа, хотя лицо объективно могло продолжать исполнение преступного деяния?

Подчеркнув проблемы, связанные с добровольным отказом становится очевидно, что невозможно оценить степень добровольности и самостоятельности отказа и данный пробел в праве затрудняет в общем квалификацию деяния – поэтому по итогу мы можем иметь как неоконченное покушение, так и добровольный отказ. В связи с этим главенство объективной реальности в разрешении данного вопроса, намеренное отодвигание субъективных мотивов на второй план позволяет наиболее полно оценить возможность или невозможность добровольного отказа в каждом конкретном случае, что без сомнений, с одной стороны, развязывает суду руки, де-факто обеспечивая широкие возможности для квалификации того или иного преступления, а с другой стороны, ставит в равные условия криминальный элемент, который, безусловно, будет этим пользоваться, пусть не так масштабно и массово, но, тем не менее, такая возможность присутствует в данном случае.

Резюмируя вышеизложенное, отметим различия стадий совершения преступлений и неоконченного преступления. Понятие «стадий» намного ёмкое, чем неоконченного преступления, следовательно, и количество стадий намного больше, чем количество видов неоконченного преступления (основных 2 – приготовление и покушение) и дискуссионным остается вопрос о месте добровольного отказа в данной системе. Поэтому выявление стадий совершения преступлений – важный этап как в следствии, так и в работе суда, ведь выявление определенной стадии позволяет установить конкретную степень общественной опасности деяния, а также влияет в последующем на квалификацию преступления. Поэтому можно предположить, что признание существования вышеупомянутой стадии обнаружения умысла, которая хотя и не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, но все-таки позволяет раскрыть сущность преступления при его формировании и определить степень его общественной опасности.

Исследовав важные моменты разграничения уголовно-правовых понятий хотелось бы обратиться к более общей норме – статье 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая называет основанием уголовной ответ-

ственности совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. Возникает вопрос – распространяется ли данная статья на неоконченные преступления? Смысл, который имеют положения статьи 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, становится понятен, если обратиться к закону в целом, т.е. к непосредственному законодательному контексту. Иными словами, при анализе положений данной статьи следует учитывать не только изложенное в этой статье, но и соответствующие нормы, которыми регламентируется уголовная ответственность за приготовление и покушение (ст. 29-30 УК РФ). При этом указанные нормы соотносятся как общие и специальные. Вследствие этого они находятся в отношениях конкуренции. В отношении конкуренции вступают уголовно-правовые нормы с пересекающимся содержанием и объемом. Нормы, конкурирующие как общая и специальная, – в нашем случае это нормы об основании уголовной ответственности за оконченное преступление и нормы об основании уголовной ответственности за неоконченное преступление – находятся в отношениях подчиненности. Следует отметить, что отношения подчиненности – это отношения субординации, рода и вида. «Отношения подчинения (субординации), – отмечает Н.В. Михалкин, – характеризуются тем, что объем одного понятия целиком включается в объем другого, но не исчерпывает его. Понятие меньшего объема составляет часть или, точнее, вид понятия с большим объемом, который по отношению к нему называют родом» [7, с. 38]. При этом общая норма подчинена специальной и выступает в качестве ее родового начала. С учетом этого согласимся с выводом В.П. Редина о том, что «положения ст. 8 УК РФ равным образом относятся как к оконченному, так и к неоконченному преступлению» [8, с. 25].

Специфика структуры статьи 29 Уголовного кодекса Российской Федерации, включает в неё понятие оконченного преступления, что в определённой степени противоречит названию данной уголовно-правовой норме. Следовательно, представляется обоснованным изменение определения неоконченного преступления, которое можно изложить в следующей редакции статьи 30 Уголовного кодекса Российской Федерации:

Статья 30. Неоконченное преступление:

«Неоконченным преступлением признается умышленно совершенное, общественно опасное деяние либо противоправная деятельность лица по созданию условий для осуществления данного деяния, не доведенное до конца по не зависящим от воли лица обстоятельствам или при не наступлении результата».

В статье 29 Уголовного кодекса Российской Федерации полностью посвятить понятию оконченного преступления и изложить ее в следующей редакции:

Статья 29. Оконченное преступление:

«Преступление признается оконченным при доведении его до конца, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, выполнены все (некоторые) противоправные действия, охваченные преступным замыслом и лицо достигло поставленного преступного результата при своем действии или бездействии».

Отдельной статьёй, предусмотреть ответственность за неоконченное преступление:

Статья 31. Уголовная ответственность за неоконченное преступление

«Уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает за умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления либо приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения исключительно тяжкого и особо тяжкого преступления, если при этом оно не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

Данную позицию подтверждает анализ судебной практики [9], [10]. Представляется, что приведенные в статье аргументы имеют определенное научно-методологическое значение и могут быть использованы для дальнейшего изучения развития уголовного права. Предложенные в работе концептуальные идеи создают предпосылки для возможного реформирования действующего уголовного закона.

Таким образом, можно сделать следующий вывод, что статьи 29, 30 и 31 Уголовного кодекса Российской Федерации нуждаются в более точной формулировке с соблюдением юридической техники нормативного конструирования: необходимо использовать простые предложения, минимизировать избыточные обороты, поскольку именно простой текст способствует повышению качества восприятия, осмысления и устранения правовых недочетов. Всё это, в свою очередь обеспечит совершенствование уголовно-правовых норм и практики их применения.

Список литературы

1. Некрасов В. Н. Соотношение понятий «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления» [Электронный ресурс] // Вестник института: преступление, наказание, исправление, 2011. URL: http://фсин.рф/territory/Vipe/journal_bulletin_of_the_institute/archive/magazine/16/04.pdf.
2. Козлов А.П. Учение о стадиях преступления: монография. СПб.: Юрид центр Пресс, 2020. 353 с.
3. Милоков С.Ф., Дронова Т.Н. Неоконченное преступление: определение понятия и его толкование // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2008. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neokonchennoe-prestuplenie-opredelenieponyatiya-i-ego-tolkovanie>.
4. Селезнёв М. Неоконченное преступление и добровольный отказ // Российская юстиция. 1997. № 11. С. 20-21.

5. Назаренко Г.В. Русское уголовное право: курс лекций. М., 2000. С. 117.
6. Полный курс уголовного права / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1. С. 567.
7. Михалкин Н.В. Логика и аргументация для юристов: учебное пособие. М., 2015. 363 с.
8. Редин М.П. Основание уголовной ответственности за неоконченное преступление и сущность неоконченного преступления // Российский следователь. 2002. № 10. С. 25-28.
9. Определение Верховного Суда РФ по делу № 45-Д11-10 от 12.05.2011 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/Jqwu239wYc5b/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=45-%D0%9411-10+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1643132606512.
10. Определение Верховного Суда РФ по делу № 45-Д13-10 от 08.07.2013 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/doc/z6zkdf6Jljg0/?vsrf-txt=&vsrf-case_doc=45-%D0%9411-10+&vsrf-lawchunkinfo=&vsrf-date_from=&vsrf-date_to=&vsrf-judge=&_id=1643132606512.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
12. Решетников А.Ю. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8.
13. Ситникова А.И. Глава «Неоконченное преступление» УК РФ и ее законодательно-текстологическое обоснование // Заочный круглый стол: «Новый уголовный кодекс России: концептуальные основы и теоретическая модель». 2015. № 11.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 23.03.2010 N 368-О-О [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredeleniekonstitutsionnogo-suda-rf-ot-23032010-n-368-o-o-ob/> (дата обращения: 12.01.2022).
15. Хилота В.В. Мнимое преступление или фактическая ошибка? // Уголовное право. 2018. № 1.